Скрипнула дверь, и на порог избы вышел дед Харистофан в валенках на голую пятку и собачьей шапке. Слегка прищурившись, он по-хозяйски оглядел в поисках народных примет.

Утренний месяц бесстыдно повис на голых ветках деревьев. Звёзды высыпали на небе, как сыпятся дурной болезни. Дед сплюнул и внимательно проследил траекторию плевка. Ограда обещала быть гладкой. Харистофан потрогал ремень на плече и пошел по тропке.

Этим делом Харистофан занимался с детских лет и даже к старости не мог избавиться от привычки. Любил природу дед самозабвенно и, подобно влюбленному, знал все ее повадки, как бы они не менялись со временем.

Вот и теперь звёзды небесные сменились огнями рекламы, и хвойные тропы обелись асфальтом и белым уже не на водопой, а к близлежащим. Харистофан вышел из-под деревьев парка, где - в самом сердце города - осталась стоять его заимка, и углубился в каменные дебри.

Непривычное тело-то для таежного охотника окружение уже нисуть не смущало Харистофана. Он уверенно двигался среди домов, грязным глазом приглядывая вокруг следы.

Вот под харкам днем была лежка нищего. К ночи тот, видно, уполз в подвал. Старый охотник до сих пор удивлялся их повадкам. Обычная жилность стремится запрятаться по-надежнее, слиться с окружением. Тогда как нищие - наоборот - старались всячески выделиться на фоне стен и прохожих своими пестрыми одеждами и отсутствием некоторых ног, рук и глаз. Нищими Харистофан брезговал.

А вот широкая тропа, вбитая вместе с асфальтом. Здесь недавно прошли танки. Дед знал, что живут они тоже в парке, только в другом. Ближе к осени танки обычно уходили косяками на Запад, где у них проходила обкатка государственный переворот. На зиму - удовлетворенные и спокойные - они возвращались в свои капониры. Танки Харистофан не трогал - рукою их не брало, а с ракетной ходить уже не позволяла старость.

Харистофан остановился и поглядел на Запад. Там догорало багровое зарево. Подойдя по-ближе, дед увидел, что дворец не закат, а "мерседес". "Волвы" и "опели", осторожно объезжая его, испуганно косились глазами водителей.

Вокруг "мерседеса" суетились миллионеры. Из Харистофан уважал. Миллионеры - это санитары города. Они отлавливают только немощных, уже ни на что не способных и никому не нужных жуликов, освобождая жизненное пространство крутой "дели". За это общество платит им деньгами.

Однако, после миллионеров охотнику здесь делать уже было нечего. Харистофан перекинул ружье на другое плечо и пошел дальше.

Наконец, за кустами мелькнула пунцовая шубка. Это, жалобно подвывая, бежала проститутка. Видно, кто-то ее обидел. Проститутку, как и белку, кормят ноги - это старый охотник заметил давно. Харистофан осторожно сдвинул ружье, не желая быть обратным жителей, наверную на стволе глушитель и поймал проститутку в перекрестье оптического прицела.

Ствол могла дернуться, и проститутка на полуслове ткнулась головой в сугроб, раскинув ненужные ей уже ноги. Харистофан закинул ружье за спину, достал широкий охотничий нож и принялся неторопливо свежевать добычу, опытными руками сдирая с нее шубку. Тушку он всегда оставлял миллионерам.

В тот вечер Харистофан добыл две норковых шубки и полдюжины лисьих хвостов.